

БИБЛИОТЕКА
ПОЛЯРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Первый живописец
Арктики

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ БОРИСОВ

Annotation

Брошюра посвящена Борису Александру Алексеевичу – русскому художнику, мастеру пейзажа, первому живописцу Арктики, писателю, общественному деятелю, исследователю полярных земель.

- [Ю. Бурлаков, П. Боярский](#)
 -
 -
 - [Монастырский воспитанник](#)
 - [Возвращение на Север](#)
 - [Работы с Новой Земли](#)
 - [Мировая слава](#)
 - [Триумф в Петербурге](#)
 - [Новые труды](#)
 - [По следам художника А. А. Борисова](#)
-

Ю. Бурлаков, П. Боярский Первый живописец Арктики. Александр Алексеевич Борисов

* * *

Александр Алексеевич Борисов родился 2 (14) ноября 1866 года в деревне Глубокий Ручей близ города Красноборска на севере Вологодской губернии. Родители крестьянствовали, школы в деревушке не было, так что грамоте мальчик учился у местного дьячка и сравнительно образованного соседа. Первое знакомство с живописью произошло, когда владимирские богомазы приехали расписывать красноборскую церковь. Работа их произвела на Александра сильное впечатление, и мальчик увлекся перерисовкой картинок из книг. Суровая трудовая жизнь семьи позволяла делать это только по ночам, при свете керосиновой лампы, на плохой оберточной бумаге.

Монастырский воспитанник

В 10 лет Александр придавил себе ноги, развязывая воз дров. Очень долго он не мог ходить, а по выздоровлении родители по обету отдали его на год в Соловецкий монастырь. Монашеская среда, с ее аскетизмом и трудолюбием, сильно повлияла на впечатлительного юношу. Став в 1881 году послушником Соловецкого монастыря, Александр попал в рыболовецкую бригаду. Он ставил сети на лесных озерах, а в свободное время рисовал местную беломорскую природу и портреты скитской братии.

Через год Александр уехал домой, но в 18-летнем возрасте решил вернуться в Соловецкий монастырь и поступить в иконописную мастерскую. Там на его талант вскоре обратили внимание: архимандрит определил юношу в школу живописи при монастыре.

Летом 1885 года Соловки посетил президент Академии художеств, великий князь Владимир Александрович. Посмотрев работы Борисова, он пообещал ему содействие в получении художественного образования. Практические же шаги предпринял знаток живописи генерал Андрей Андреевич Боголюбов. Благодаря его хлопотам Александр получил пособие и осенью 1886 года приехал в Петербург.

В столице у него никого не было, поэтому очень своевременным оказалось ходатайство настоятеля Соловецкого монастыря о поселении и питании молодого человека в Александро-Невской лавре. Покровителями будущего художника стали всё тот же генерал Боголюбов и директор Александровского механического завода в Петербурге Болеслав Антонович Яловецкий. Первый занимался с ним русским языком и

историей, второй – математикой. У поморского уроженца Борисова не имелось даже начального образования.

Занятия в рисовальной школе Общества поощрения художеств проходили три раза в неделю. Учеников было много, но самым великовозрастным и малообразованным среди них оказался Александр. Только сильная воля и внутренняя сосредоточенность помогли ему не потерять веру в себя. Трехлетний курс рисовальной школы Александр прошел за один год и в июле 1888-го подал прошение о приеме вольнослушателем в Академию художеств. Плату за обучение вносили Боголюбов, Яловецкий и директор Балтийского судостроительного завода Михаил Ильич Кази. Занимался Борисов усердно: за четыре года его успехи были отмечены двумя малыми и одной большой поощрительными серебряными медалями, а также назначением государственной стипендии.

В 1893 году в Академии учредили индивидуальные мастерские профессоров-руководителей. На эти должности пригласили известных художников-передвижников. Борисов обучался вначале у Ивана Ивановича Шишкина, а позже у Архипа Ивановича Куинджи.

В летние периоды Борисов не имел возможности уезжать к себе на Север и обычно проводил это время на академической даче со своим учителем, трудясь над прорисовкой пейзажей. Шишкин учил своего подопечного точности в рисунке и терпеливому труду рисовальщика. Позднее под влиянием Куинджи Александр Алексеевич отойдет от протокольного отношения к природе и приблизится к более глубокому пониманию художественной правды. В его работах появятся внутренняя взволнованность, экспрессия и творческая индивидуальность.

Возвращение на Север

Летом 1894 года Борисов вновь оказался в Арктике. Министр финансов Сергей Юльевич Витте отправился в экспедицию на Мурман с целью отыскания удобной гавани для новой военно-морской базы. В сопровождающую его группу вошел М. И. Кази, который взял с собой Борисова в качестве рисовальщика и фотографа. Посетив Архангельск и Соловки, экспедиция на пароходе «Ломоносов» обошла Мурманское побережье, останавливаясь для осмотра гаваней.

После природы родных лесов Вологодской губернии наибольшее впечатление произвели на меня льды и белые ночи Соловецкие, и, может быть, по этой причине меня всегда тянуло на Север, хотя и до того рассказы и описания полярных путешествий не давали душе моей покоя.

Гавань в Соловецком монастыре. 1912. Холст на картоне, масло

Ох уж эти полярные туманы! Они наполняют душу путешественника какой-то тоской, каким-то отчаянием. Они покрывают всё своей таинственной пеленой, как бы желая скрыть далекие неведомые края от пытливых взоров человека.

Штиль - туман во льдах. 1898. Холст на картоне, масло

За три недели путешествия Борисов близко познакомился с Витте, который много беседовал с ним по вопросам быта и экономики Севера. После этой экспедиции молодой художник поверил в реальность своей мечты - вернуться в Арктику с кистью и палитрой. Он приступил к разработке плана большой экспедиции на Новую Землю.

Поездка по Белому и Баренцеву морям дала Борисову много живых наблюдений. Он написал массу этюдов, из которой в итоге выкристаллизовался сюжетный замысел картины «Среди вечных льдов». Работа эта была закончена к академической выставке 1896 года, где ее приобрела Академия художеств.

В октябре 1895 года Шишкин подал в отставку, и несколько его учеников, в том числе Борисов, перешли в мастерскую Куинджи. Эти годы произвели неизгладимое впечатление на Борисова. Куинджи был прирожденным

педагогом. В его мастерской царила семейная обстановка. Наблюдая за работой учеников, он почти не делал замечаний, изучал их самих, внутренний мир будущих художников. Учиться живописи советовал на небольших этюдах с натуры, но использовать их при работе над картиной категорически запрещал. Несколько лет пребывания Борисова в мастерской Куинджи необычайно обогатили его творчество.

В январе 1896 года Борисов подал прошение в правление Академии художеств о выезде за границу сроком на один год и вместе со своим покровителем Кази отплыл в Англию. Оттуда художник, обогнув Скандинавию, направился в город Колу на Мурмане. На Кольском полуострове он пробыл весну и лето, посетив многие глухие его уголки. Пожалуй, именно с этого момента особое место в его творчестве занял мотив летней полярной ночи.

Вернувшись с Мурмана в Архангельск, Борисов первым же рейсом парохода «Ломоносов» отправился на Новую Землю. По дороге он познакомился с участниками экспедиции Казанского университета, следовавшей в Заполярье для наблюдения за полным солнечным затмением. По просьбе ученых он остановился с ними в Малых Кармакулах и написал два этюда затмения, на основе которых позднее родилась большая картина.

Из Малых Кармакул Борисов перебрался в Поморскую губу в западном устье Маточкина Шара, где жило несколько ненецких семей. С семьями Пырерки и Вылки он подружился на долгие годы. Подрядив нескольких ненцев, художник решил пройти на карбасе проливом Маточкин Шар до Карского моря. По дороге из-за ледяных заторов случалось много остановок, которые Борисов использовал для написания этюдов. До Карского побережья добраться не удалось, и ему пришлось пешком пройти до мыса Выходного, чтобы с его высоты посмотреть на таинственное море.

Почти два месяца провел художник на Маточкином Шаре, неустанно работая над этюдами.

Некоторые этюды Борисов позднее переработал в картины, но большинство их осталось в качестве самостоятельных произведений и экспонировалось на выставках. Пятьдесят шесть этюдов за 8 тысяч рублей приобрел Павел Михайлович Третьяков. Они заняли целый зал его галереи в Москве.

Работы с Новой Земли

И всё же Борисов не был полностью удовлетворен двухмесячным пребыванием на Новой Земле. У него возникло желание перезимовать на Маточкином Шаре, а весной на собаках двинуться по береговым припаям на север, до мыса Желания: писать этюды, делать съемки берега, собирать коллекции. То есть принести пользу и искусству, и науке. Очень скоро эта мечта приобрела реальные формы. Но прежде чем отправиться на Новую Землю, Александр Алексеевич решил осуществить рекогносцировочный маршрут по Большеземельской тундре и на остров Вайгач. Надо было научиться спать на снегу, работать на морозе, есть сырое мясо, переносить одиночество.

Попав в залив Чекина, мы отправились вглубь. Настали опять тяжелые дни и всяческие лишения. Далекі они были от пережитых нами прошлой осенью на плавучих льдах, но всё же натерпелись вдосталь; приходилось питаться одной тюлениной.

Залив Чекина на берегу Карского моря. Новая Земля. 1901. Холст на картоне, масло

Всё небо было залито золотистой зарей и напоминало глазам тёплый летний вечер юга. Только снег разбивал всю эту иллюзию и составлял полный контраст с небом. Он настолько казался голубым, что, если бы художник написал такую картину, сказали бы: «Это неестественно и красочно!»

Ночь в Большеземельской тундре в апреле. 1898.
Холст на картоне, масло

В декабре 1897 года Борисов выехал поездом из Петербурга в Архангельск. В этой экспедиции он не ограничился написанием этюдов. Все свои наблюдения художник изложил в путевых литературных очерках «У самоедов. От Пинеги до Карского моря», вышедших отдельной книгой в Санкт-Петербурге в 1907 году. Путешествие оказалось масштабным и ярким.

Вернувшись, Борисов подробно изложил суть большой экспедиции на Новую Землю в письме председателю Русского географического общества Петру Петровичу Семёнову-Тян-Шанскому с целью заручиться его покровительством и поддержкой. Художник планировал приобрести небольшое парусное судно, погрузить на него сруб дома-мастерской и отплыть к восточному входу в пролив Маточкин Шар. Там предстояло собрать дом и перезимовать, а весной

он хотел двинуться на собаках вдоль побережья к северной оконечности Новой Земли – мысу Желания. Для второй зимовки художник собирался вернуться в дом-мастерскую на Маточкином Шаре, а в следующую навигацию отплыть морем в Архангельск.

Министр финансов выделил для экспедиции Борисова 26 тысяч рублей, к ним художник добавил своих 7 тысяч, полученных за картины от Третьякова, и путешествие состоялось. Ход своей новоземельской экспедиции Борисов описал в книге «В стране холода и смерти», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1909 году.

Вернувшись в столицу, Борисов с удивлением узнал, что в мастерской для обработки собранных материалов ему отказали. Пришлось снимать помещение за свой счет на Васильевском острове.

И всё же поездка на Новую Землю, множество привезенных этюдов и рисунков сделали художника героем дня. Немало хороших слов было сказано о нём Репиным, Васнецовым, Стасовым.

Весь 1902 год Борисов усиленно работает в своей мастерской, обобщая собранный материал, пишет большой очерк о своем путешествии для журнала «Нива». Но оказалось, что подготовить путешествие на Новую Землю легче, чем устроить выставку созданных работ. К тому же целый год ушел на картину «Страна смерти». Публика встретила ее по-разному, но восхищенный В. А. Гиляровский, которому не откажешь во вкусе, даже написал стихотворение:

Свинцовый блеск громады океана,
Блеск серебра в вершинах снежных гор,
Горящих в дымке нежного тумана,
И смерть, и холод, и простор!
Несутся облака туманною грядю,
Пока их холод в тучи не сковал,
И лижет море синюю волною

Уступы белых, грозных скал...

Картины полярной природы пожелал увидеть император Николай II. 1 марта 1903 года в Зимнем дворце открыли экспозицию работ Борисова для царской фамилии. Царь приобрел картину «Страна смерти» и передал ее в Русский музей.

Летом 1903 года Борисов снова едет рейсовым пароходом на Новую Землю и месяц живет в своем доме на Маточкином Шаре. Оттуда он привозит несколько альбомов с рисунками. Ряд работ художника приобретают для Русского музея. Одновременно царь заказывает ему пять картин по его выбору.

Начало XX века отмечено творческим подъемом Борисова. Накопив этюдный материал, он одну за другой создает картины. Вместе с тем Александр Алексеевич стал проявлять себя и в другом качестве: он пишет статьи в газеты о богатствах Севера, о проводке караванов по Севморпути.

Мировая слава

Имя Борисова стало известно за границей. Первыми его пригласили к себе венские художники – по рекомендации Юлиуса Пайера и Карла Вейпрехта, первооткрывателей Земли Франца-Иосифа. Экспозиция в Вене оказалась первой персональной выставкой Борисова. Несмотря на то что Русский музей отказал в выдаче картин, рецензенты отмечали, что таких залов нельзя отыскать в Москве и Петербурге. Посыпались заказы и предложения по продаже.

Селение Усть-Цильма, административный центр Печорского уезда, находится на правом берегу реки Печоры, на противоположной стороне устья реки Цильмы. Главные обитатели Усть-Цильмы – староверы. Сеют ячмень. Главный источник жизни – промыслы рыбы.

Селение Усть-Цильма (на реке Печоре). 1898. Холст на картоне, масло

Скоро поставили чум... Горе и несчастья были забыты. На сердце так было легко, что я снова считал себя счастливейшим человеком в мире и невольно благословлял судьбу за те счастливые условия, благодаря которым я мог переживать в конце концов такие славные минуты.

Мой обоз при переезде из Пустозёрска до Югорского Шара. 1898. Холст на картоне, масло

С Вены началось триумфальное шествие Борисова по Европе: Прага, Мюнхен, Берлин, Гамбург, Дюссельдорф, Кёльн. Его называли «русским Нансеном», альбомы и каталоги выпускали на четырех европейских языках. Россию упрекали в замалчивании своих талантов. Отвергнув работы австрийских «ледописателей», европейцы присудили первенство русскому. Любопытно, что до этого первенство принадлежало Пайеру, но тот не мог писать этюды при 30-градусных морозах на Земле Франца-Иосифа и все свои картины создавал позднее, на материке.

Успех выставки Борисова в Париже был настолько велик, что французское правительство наградило его орденом Почетного легиона. Тепло приняли его и англичане, в чём велика была роль норвежского посла

Фритъофа Нансена. Король Эдуард с семьей целый час осматривал экспозицию.

Часть картин с выставок приобрели французское и английское правительства. Борисова от имени Норвегии и Швеции наградили орденом Святого Олафа, который ему вручил Нансен.

Успех в Европе пробудил в Борисове желание показать свои картины в Америке. В феврале 1908 года правительство США предоставило ему право устроить выставку без уплаты пошлин, которые были бы серьезным препятствием. Показательно, что первый визит по прибытии в Америку Борисов нанес президенту Теодору Рузвельту, о чём позаботился Витте. На следующий день президент осмотрел выставку.

По возвращении в Россию Борисов уезжает в родные места, на Север. На крутом берегу Северной Двины он построил дом-мастерскую оригинальной конструкции. Из него открывался широкий вид на двинские дали. В 1909 году Борисов женился на вдове профессора Берлинского университета М. Д. Жуковой. Усадьба у Красноборска стала оживать. Были куплены прогулочные лодки, экипажи, стали наезжать друзья художника. Изумительным видам, открывавшимся на реку, Борисов посвятил немало эскизов и зарисовок.

Хозяйство было большое. Имелись конюшня, коровник, огород, парники, ягодники. В саду, помимо яблонь, разрослись тополя, липы, березы, дубы. Борисов любил строить – основательно и капитально. Во всём усматривался недостаток, которого так недоставало художнику в детстве и юности. Он с удовольствием жил в этой усадьбе, но жене, воспитанной в Германии, требовалось иное: чета много времени проводила в Европе.

Работа в мастерских не удовлетворяла художника, ему требовался приток свежих впечатлений. Но ехать в Арктику Борисову уже не позволяли возраст и семейные

обстоятельства. Новую музыку красок он нашел у себя на родине, в заснеженных северодвинских лесах, причем любил работать на натуре в мороз, растирая коченеющие руки скипидаром.

Триумф в Петербурге

В конце 1913 года Александр Алексеевич стал готовить персональную выставку в Петербурге, но долго не мог найти подходящего помещения. В Европе он был широко известен, а в России приличного показа не имел...

В эту трудную минуту выручил князь Феликс Феликсович Юсупов, любезно предоставив свой особняк. Экспозиция, в которую вошло около 200 произведений, была разделена на три цикла: Арктика, зима на Северной Двине и Соловецкий монастырь. Она заняла четыре зала: стены затянули черным бархатом, на котором картины выглядели особенно эффектно. Не хватало лишь картин из собрания Третьяковской галереи, которые она отказалась предоставить.

Выставка имела большой успех. Центром внимания стала картина «Страна смерти», привезенная из Русского музея. Ее поместили в отдельном зале с густым полумраком: лучи трех софитов бросали на холст снопы бокового света, подчеркивая громады ледяных обрывов. Выставку очень высоко оценил Виктор Михайлович Васнецов. Он писал Борису о его картинах: «В них вы могущественно и ярко изобразили трагическое и величественное – прекрасное таинство Севера, при всём своем подавляющем ужасе и холоде».

Но всё-таки многие рецензенты отмечали заметный пятилетний перерыв после знаковой экспедиции на Новую Землю, за время которого художник перешел на классическое отображение зимнего русского леса в стиле своего учителя Шишкина. Правда, фиксировали, что второго такого специалиста по снегу в России нет.

Стоит Пустозёрск посреди тундры, и ни кустика, ни холмика, только ветер неугомонный свистит да засыпает холодным снегом!

Церковь в Пустозёрске. 1898. Холст на картоне, масло

Настроение великолепное. Всё как-то приятно весело, всё как бы радовалось... Я говорил себе: ты мечтал постоянно о Вайгаче, о Новой Земле, вообще о полярных странах. Теперь смотри, наслаждайся, пользуйся; теперь не мечты, а живая действительность!..

Ледяная гора. Берег Новой Земли в Карском море.
1901. Холст на картоне, масло

Пришла пора Борису подвести некоторые итоги: 65 его работ находилось в Третьяковской галерее, 7 работ – в Русском музее, а также в Архангельске и Вологде, но основная часть коллекции осталась в мастерских художника – в Красноборске и Берлине. Многие ушли в частные руки. Вопрос о приобретении оставшихся картин для Русского музея рассматривался даже в Государственной Думе, но покупка не состоялась. Кстати, против Борисова выступили некоторые его сотоварищи по классу Куинджи, которых, к слову, никто не помнит. Сам Борисов в письме редакции одной из газет писал: «Я умру, уляжется ко мне зависть. Картины мои останутся, пройдут годы, и время покажет, куда их поместить».

Новые труды

В начале 1914 года Александр Алексеевич приехал на лето в свою красноборскую усадьбу, не ожидая, что здесь ему придется пробыть до конца жизни. Первая мировая война, революция, Гражданская война сорвали его планы, пришлось ограничиться изображением местных видов и редким участием в отечественных выставках. Считая, что он уже сказал свое слово в искусстве, Борисов вернулся к шишкинским традициям – академическому фиксированию природы. Прогулки на лыжах по окружающим усадьбу лесам врачевали душу художника, наполняли ее тихой радостью. Учитывая сложившуюся ситуацию, он не связывал с будущим больших надежд, считал, что основное он уже сделал. Понимал, что перепевает старые мотивы, но продолжал писать для себя, для души.

И тут пришло новое увлечение: Александр Алексеевич с головой окунулся в проблему развития заполярного железнодорожного транспорта. На его средства в 1915 году были проведены изыскания по трассе Обь – Котлас – Сорока. В летнее время усадьба художника стала заполняться молодыми инженерами-путейцами, проповедовавшими идею строительства железной дороги от Мурманска до Чукотки вдоль северного побережья страны – идею красивую, но спорную. В ее защиту Борисов неоднократно выступал в газетах, по радио, на совещаниях. Позднее для обсуждения проекта Великого Северного железнодорожного пути Борисов встречался с Лениным.

После революции Александр Алексеевич поселился в Москве, а его жена оставалась в Красноборске. Местные власти приняли решение о конфискации имения художника, а находившиеся в нём 227 картин, этюдов и

рисунков вывезли в Великий Устюг, где на их базе открыли краеведческий музей. В ответ на жалобу Борисова Бонч-Бруевич велел Северодвинскому губисполкому вернуть захваченное. В 1920 году Борисов вернулся домой. Предстояло начать новую жизнь. Его картины стали никому не нужны, и художник взялся за реализацию старой идеи - построить курорт вблизи своей усадьбы на базе минерального источника.

До 1925 года Александр Алексеевич ежедневно занимался строительными делами: искал материалы и оборудование, нанимал рабочих, контролировал ход работ. Этой маленькой, но трудной в ту пору работой он жил и дышал. Тем более что в 1922 году его жена и дочь уехали в Германию. Борисов же решительно отказался покинуть родину.

Между тем приближалось 60-летие художника. Его по-прежнему тянуло в малоизвестные северные края, но живопись отошла на второй план. В 1929 году Александр Алексеевич устроил свою последнюю персональную выставку из 45 картин в Московском доме писателей. На ее основе через два года был выпущен фотоальбом «Красный Север». И хотя качество издания оставляло желать лучшего, для Борисова это стало важной вехой.

Много времени и сил Александр Алексеевич отдавал своей работе управляющего созданным им курортом «Солониha». Состоял внештатным сотрудником Госплана СССР по вопросам транспорта и строительства на Севере, был активным членом общества «Великий Северный железнодорожный путь». Председатель Госплана Кржижановский не раз предлагал ему службу и квартиру в Москве, но тот отказывался. На Севере ему было вольготнее и привычнее.

В 1932 году Борисов съездил в Германию к жене и дочери. После 20-летнего перерыва он вновь увидел многие свои картины, оставшиеся в берлинской квартире после знаменитого турне по Европе. За

границей Александр Алексеевич пробыл всего три месяца и вновь вернулся в Красноборск. Но эта поездка оживила в нём живописца: последние два года жизни он потратил на написание новой большой картины для Архангельского музея по любимой теме – «Летняя полночь в Арктике». 17 августа 1934 года сердечный приступ оборвал жизнь художника. Похоронили его на сельском кладбище.

За свою жизнь Александр Алексеевич Борисов сделал много. Он не только внес в отечественное искусство совершенно новую тему, но и решил ее талантливо и самобытно. Лучшей эпитафией мастеру могли бы послужить его собственные слова: «Мы похитили тайну Новой Земли, открыли пульс ее жизни, воспроизвели ее таинственные красоты, оторвали этот пустынный мир льдов от области неизведанного».

Ю. К. Бурлаков, вице-президент Ассоциации полярников

По следам художника А. А. Борисова

Маршруты первопроходцев - исследователей Арктики - представляют особый интерес для специалистов Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва и Фонда полярных исследований.

Часто мне приходилось вспоминать И. И. Шишкина при взгляде на эти вековые сосны и ели. Какие чудные, фантастические формы принимали они! Здесь холодно, страшно, и природа, чтобы пощадить, прикрыла их толстым снежным, причудливой формы, покровом.

В чаще леса (Лес зимой). 1913. Холст, масло

У меня ведь есть еще одна слабость - лес! Я ученик Шишкина, и мне хотелось бы написать ряд картин с изображением леса не издали, а вблизи, в самой чаще его...

Зимний солнечный день на Северной Двине. 1910-е.
Холст, масло

В ряду славных полярников прошлого важное место занимает Александр Алексеевич Борисов (1866–1934) – художник, писатель, исследователь Заполярья. В рамках различных комплексных программ и в ходе специальной программы «По следам А. А. Борисова» наша экспедиция прошла его путями по архипелагам Новая Земля и Соловецкие острова, по острову Вайгач и материковому побережью пролива Югорский Шар, исследовала руины первого русского заполярного города Пустозёрска и его окрестности... Нередко записи Борисова и даже его картины помогали нам в работе, в буквальном смысле направляя нас.

Многосторонняя в своих проявлениях личность Борисова во многом формировалась под совокупным воздействием историко-культурной и природной среды – и, конечно, огромную роль в этом процессе сыграла

своеобразная природа Русского Севера. В своей первой изданной книге Борисов писал: «Крайний Север, с его мрачной и таинственной природой, с его вечными льдами и долгой полярной ночью, всегда привлекал меня к себе. Северянин по душе и по рождению, я всю жизнь с ранней юности только и мечтал о том, чтобы отправиться туда, вверх, за пределы Архангельской области» (А. А. Борисов. У самоедов.

От Пинеги до Карского моря. Санкт-Петербург, 1907. Издательство А. Ф. Девриена, с. 1).

Первое большое путешествие на Крайний Север 15-летний Александр совершил в 1881 году, по воле родителей отправившись в Соловецкий монастырь.

Год отработал отрок Александр на Соловках, помогая монахам и трудникам на рыбной тоне Савватиевского скита. Скит этот был расположен на том месте, где в 1429 году поселились преподобные Савватий и Герман, основатели монастыря. Этот период своей жизни Борисов всегда вспоминал с большим удовольствием. В губах Сосновой и Трещанской разъезжал он летом на лодке среди многочисленных островов, слушал пение птиц. Приходилось ходить пешком и к таинственным лесным озерам, чтобы там ставить сети для ловли рыбы.

Монастырь жил в гармонии с окружающей природой, не нарушая ее первозданной целостности и красоты. В этом убеждают нас работы по комплексному изучению духовной, культурной и природной среды Соловецкого архипелага, регулярно проводимые Соловецким отрядом МАКЭ с 1988 года. Нами были пройдены маршруты Борисова на архипелаге – очевидно, что именно здесь он научился проникать в суть пейзажей и зримых образов могучей, свободной и сильной природы Русского Севера, созвучной внутреннему миру русского человека и северных народов.

Через два года Борисов 18-летним юношей вернулся на Соловки. Его поддерживал строитель Савватиевского скита отец Ионафан, который помог юноше попасть в иконописную мастерскую монастыря.

Природа Соловецких островов, уникальные памятники истории, архитектуры, техники, технологий, а в особенности – духовная жизнь обители, монахи которой были и полярными мореходами, и промысловиками, а когда надо, и воинами, – всё это создавало особую атмосферу учебы Борисова в иконописной мастерской. Более того, перед ним был пример высшей духовности, непреклонного мужества основателей монастыря. Увы, свидетельств учебы будущего художника в иконописной мастерской Соловецкого монастыря осталось немного, но в Красноборском краеведческом музее мы с начальником Соловецкого отряда МАКЭ В. П. Столяровым увидели одно из них – этюд Борисова 1885 года «Праведный Симеон берёт в объятия Спасителя».

В июне 1894 года Борисов вновь посетил Соловки в качестве рисовальщика и фотографа во время поездки министра финансов С. Ю. Витте на Мурман. Тогда же сбылась и мечта художника увидеть Северный Ледовитый океан.

Интересно, что через много лет, в 1901 году, экспедицию Борисова с Новой Земли сняла Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана на судне «Пахтусов». Оно шло на работы к Соловецкому архипелагу, и Борисов вновь побывал в местах, столь дорогих его сердцу.

Крайний Север, с его мрачной, но мощной и таинственной природой, с его вечными льдами и долгой полярной ночью, всегда привлекал меня к себе. Северянин по душе и по рождению, я всю жизнь с ранней юности только и мечтал о том,

чтобы отправиться туда, вверх, за пределы
Архангельской губернии.

Во льдах Новой Земли. 1901. Холст на картоне, масло

Я построил парусную яхту «Мечта» специально для плавания среди льдов, на которой в 1899 и 1900 годах и предпринял с зоологом Т. Тимофеевым экспедицию на Новую Землю и в Карское море. Во время этого путешествия нам пришлось пережить ужасную драму на плавучих льдах...

Судно во льдах (Яхта «Мечта»). 1899. Холст на картоне, масло

В 1913 году в одном из своих интервью Борисов сказал: «Этим летом я предполагаю работать на Соловках. Странно, что до сих пор наши художники, посещавшие эти места, как-то не захватывались оригинальностью тамошней природы. А как в ней много привлекательного, типично русского! Один Соловецкий монастырь, со своими громадными, массивными стенами и грозными башнями, сложенными из каменных плит, с корявыми столетними деревьями, его окружающими, и со всей оригинальной красотой архитектурных сооружений, дает много пищи художнику. Вообще, я уверен, что скоро на наш Север художники обратят много больше внимания... Сейчас я еду к себе на родину, на Северную Двину, а затем на всё лето в Соловки работать» (журнал «Художественная жизнь», 1913).

К своей духовной и творческой родине художник обращался неоднократно в мыслях и произведениях. Известны его помеченные 1912 годом картины: «Вид Соловецкого монастыря», «Внутренний вид Соловецкого монастыря» (на картине сохранилась дата – 6 августа 1912 года), «Гавань в Соловецком монастыре» и «Соловецкий монастырь со стороны дока».

Отмечены духовностью стремления художника и в освоении исторического наследия Арктики. Во вступлении к книге «У самоедов» художник писал: «В голове роились мысли о местах, где когда-то бывали малоизвестные подвижники русского дела: Савва Ложкин, штурман Розмыслов, Чиракин, Пахтусов, Циволька и проч., и проч...» (А. А. Борисов. У самоедов. От Пинеги до Карского моря. СПб., 1907, с. 5). Борисову удалось посетить зимовья Ф. Ф. Розмыслова и П. К. Пахтусова, могилу Я. Чиракина. Сотрудники МАКЭ побывали в этих местах, как и на зимовьях Саввы Лошкина (Ложкина) и А. К. Цивольки, провели комплексные исследования этих объектов.

В 1896 году Борисов впервые оказался на Новой Земле.

На архипелаг он отправился с первым рейсом парохода «Ломоносов». На судне находилась экспедиция Казанского университета, которую возглавлял профессор Д. И. Дубяго. Экспедиция должна была провести комплекс наблюдений, связанных с предстоящим солнечным затмением. Дубяго и уговорил Борисова высадиться с ними в становище Малые Кармакулы, чтобы запечатлеть редкое природное явление. В Малых Кармакулах Борисов активно работает, пишет этюды. В дальнейшем многие картины этого периода приобрел П. М. Третьяков для своей знаменитой московской галереи. Среди пейзажей «Момент полного солнечного затмения 27 июля 1896

года», а также «Затмение Солнца на Новой Земле в 1896 году».

Сотрудники МАКЭ неоднократно бывали в Малых Кармакулах и зафиксировали часть исторических объектов, которые видел Борисов (Новая Земля. М.: Паулсен, 2009, с. 90–94).

Однако вернемся в 1896 год. За экспедицией Дубяго пришел в Малые Кармакулы пароход, который направлялся к становищу в Поморской губе, расположенной на юго-западном побережье пролива Маточкин Шар. С 30 июля по 23 сентября Борисов находился в этом районе. В названиях картин художника той поры раскрывается география его путешествий: «Река Маточка на Новой Земле», «Гора Южная Маточка при полуденном освещении», «Вид на пролив Маточкин Шар с горы Вильчека (Новая Земля)», «Полярные льды в Маточкином Шаре на Карской стороне», «Карское море. Начало Маточкина Шара», «Маточкин Шар. Новая Земля. Лето», «Устье реки Чиракина. Место зимовки Пахтусова», «Гора Вильчека. Новая Земля» и другие...

В 1898 году Борисов начал тщательную подготовку к зимовке и исследованиям на Новой Земле. Он решил построить специальное парусное судно, яхту «Мечта», для исследования восточного побережья Северного острова Новой Земли и на нём обогнуть с севера архипелаг; построить в восточной части (на Карской стороне) пролива Маточкин Шар дом-мастерскую для зимовки и работы над этюдами и картинами; провести научные исследования. Экспедиция 1900–1901 годов вышла непростой: приходилось и мерзнуть, и голодать, живя на льдинах. И всё же закончилась она благополучно и плодотворно – были получены весомые научные и художественные результаты.

Этот грандиозный ледник действует подавляющим образом. Чувствуешь себя каким-

то жалким и ничтожным. Но стоит выглянуть солнцу, и мрачная картина ледника мгновенно меняется. Эти исполинские глыбы - льды переливаются всеми цветами радуги, кажутся фантастическим дворцом северного царства.

Ледяная мельница. Новая Земля. 1901. Холст на картоне, масло

Совершенно особенный и высокий интерес представляют северные плавучие льды - торосы. Вот где затейливость и неожиданность рисунка, независимо от блеска тонов, превосходят всё, что может себе представить человек, одаренный даже сильным воображением.

Карское море. Вид Новой Земли. 1901. Холст на картоне, масло

Впоследствии, в 1903 году, Борисов еще раз побывал на Новой Земле, около месяца прожил в своем доме. Это была его последняя встреча с архипелагом. Изучая свидетельства пребывания Борисова на Новой Земле, сотрудники МАКЭ не только обнаружили и исследовали руины зимовья – мастерской художника на южном побережье в западной части пролива Маточкин Шар (Новая Земля. М.: Паулсен, 2009, с. 30–32; 72–75), но и побывали в различных пунктах, связанных с деятельностью художника: в Малых Кармакулах, проливе Маточкин Шар и на восточном побережье Южного острова Новой Земли. Мы нашли и исследовали руины зимовий известных русских арктических исследователей Ф. Розмыслова и П. Пахтусова, могилы их спутников и захоронение Я. Чиракина (Новая Земля.

М.: Паулсен, 2009, с. 149-153; 65-71). В этих местах художник создавал свои этюды и картины.

Однако еще перед своей зимовкой на Новой Земле Борисов в 1897-1898 годах совершил уникальное творческое путешествие, финальной целью которого стал остров Вайгач. Во время этого путешествия художник постоянно вел дневник. На основе своих записей он подготовил книгу «Путевых очерков художника со снимками 36 его картин» под заглавием «У самоедов. От Пинеги до Карского моря». Эта великолепная книга была издана в Санкт-Петербурге А. Ф. Девриеном в 1907 году и уже в наше время переиздана в Москве издательством «Паулсен».

Сотрудники МАКЭ исследовали памятные места, связанные с этой творческой поездкой художника, в Усть-Цильме и Пустозёрске. К работам в Пустозёрске мы приступили в 1991 году и до сих пор продолжаем их. Картины Александра Борисова «Селение Усть-Цильма», «Церковь в Пустозёрске», «Самоедское волостное правление в Пустозёрске», «Дом в Пустозёрске после сильной снежной метели» и другие во многом способствовали выявлению сотрудниками МАКЭ мест расположения и реконструкции внешнего вида уникальных объектов культурного наследия в Усть-Цильме и Пустозёрске.

Исследованиям МАКЭ на материковом побережье пролива Югорский Шар очень помогли картины художника «Общий вид селения Никольского», «Часовня в селении Никольском 21 мая», «Посёлок Хабарово. Никольская церковь и часовня». По ним мы нашли следы этих строений возле устья реки Никольской (Вайгач. Остров арктических богов. М.: Паулсен, 2011, с. 391).

В книге Борисова указано, что рядом с устьем реки Хальмер-Яха во время зимовки от цинги умерло восемь человек «русских промышленников». Благодаря этому сообщению сотрудники МАКЭ в 1987 году обнаружили и

исследовали скопления поморских крестов с могилами, а также основания промысловых изб и сохранившуюся промысловую избу (Вайгач. Остров арктических богов. М.: Паулсен, 2011, с. 281-294).

На вершине острова Большой Воронов художник видел «крест, сделанный из толстого бревна» со старинными надписями. В 1989 году МАКЭ обнаружила там только остатки спиленного в советское время креста: вертикально врытое в землю основание высотой 160 см над землей, снизу обложенное каменными плитами. И если художник смог различить надписи о 1823 и 1838 годах, то мы разобрали следующие даты: «1838... июня; 1877; 1934; 16.09.73» (Вайгач. Остров арктических богов. М.: Паулсен, 2011, с. 206-208).

Так что арктические странствия Борисова оставили не только уникальное художественное наследие – из прошлого он протягивает руку помощи современным исследователям, вдохновляя и указывая им путь.

*П. В. Боярский, начальник МАКЭ, почетный полярник,
председатель Комиссии географии полярных стран МО
РГО*